

ГЛАВА 33. Сердце болит за маленького немого

Ноябрьское солнце, хоть и заливало всё вокруг ярким светом, грело уже по-зимнему скупно. Су Мо проснулся с удивительным ощущением лёгкости во всём теле. Он сладко потянулся под одеялом, но, едва открыв глаза, замер: Хань Дун, скрестив руки на груди, подпирал дверной косяк и не мигая смотрел на него.

Его лицо не выражало ровным счётом ничего, и Су Мо невольно занервничал.

«Неужели он узнал про вчерашнее?»

Су Мо сел, стараясь казаться ещё более невозмутимым, чем его гость, хотя сердце в груди пустилось вскачь.

— Ты что, всю ночь здесь с братом проспал? — спросил Хань Дун.

Су Мо отвёл взгляд и кивнул.

— А? Что такое? — Су Цзинь сонно протёр глаза, едва расслышав голоса.

Хань Дун лишь мазнул по нему коротким взглядом и молча вышел в гостиную. Увидев, что Чжу Минь возится у плиты, он направился напрямик к ней, расплываясь в ослепительной улыбке:

— Приветик.

От этой улыбки у Чжу Минь мурашки побежали по коже — когда Хань Дун так скалился, он выглядел куда страшнее, чем когда злился.

— А... привет.

— Тяжёлая выдалась ночь, да? — улыбка Хань Дуна была на редкость заразительной, и девушка невольно засмотрелась. — Сяо Мо вчера спал в западной комнате. А ты где пристроилась?

— Да на диване как-то перекапталась, — Чжу Минь почесала затылок, совершенно сбита с толку его внезапным дружелюбием. — Слушай, говори прямо, чего тебе надо.

— Мне? Да ничего не надо, — Хань Дун уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг замер. — А почему Лян Цинь спал в моей комнате? Сяо Мо туда не заходил?

Чжу Минь вспомнила, что ей вчера велел передать Су Мо, и уверенно кивнула:

— Мы вдвоём затащили Лян Циня к тебе и больше носа туда не совали. Сяо Мо сказал, что хочет поспать с братом.

Хань Дун нахмурился и с потяжелевшим лицом скрылся в ванной.

— Ну и что это было? — пробормотала Чжу Минь. — То сияет как медный газ, то чернее тучи.

На завтрак была простая каша и пара тарелок с соленьями. Все ели с аппетитом, и только Хань Дун за столом сидел неподвижно. Откинувшись на спинку стула и скрестив руки, он в упор разглядывал Су Мо.

Они сидели друг напротив друга. Под этим немигающим взглядом Су Мо чувствовал себя как на иголках. Он то и дело украдкой поглядывал на Хань Дуна и тут же испуганно втягивал голову в плечи.

«Всё, пропал... Точно что-то подозревает».

Су Мо поперхнулся кашей. На губах остался влажный след, и Хань Дун, не сводя с него глаз, небрежно бросил на стол салфетку.

Странную атмосферу за столом заметили все. Су Цзинь не выдержал:

— Дун-цзы, ты чего на Сяо Мо уставился?

— Хочу и смотрю, — отрезал тот.

«Да оставь ты меня в покое!» — взмолился про себя Су Мо. На душе было муторно — когда виноват, больше всего боишься, что за тобой будут следить.

— Сяо Мо такой чистенький, опрятный... Мне тоже нравится на него смотреть, — вставил Лян Цинь, добродушно глядя на парня.

— И мне, — Чжу Минь тоже склонила голову набок.

Су Цзинь перевёл взгляд с одного на другого:

— Вы что, все разом придурками стали?

«Смотрите-смотрите, глаза проглядите», — Су Мо помрачнел и быстро написал в блокноте:

«Я домой».

Су Цзинь, видя, что младший уходит, поднялся следом:

— Ну вот, досмотрелись — Сяо Мо сбежал. Ладно, я тоже пойду.

— И я с тобой! — Чжу Минь поспешно вскочила со своего места.

Лян Цинь, глянув на неподвижного Хань Дуна, допил кашу одним глотком.

— Третий брат, мне тоже пора, надо Сяоюя проведать.

В мгновение ока в комнате остался один Хань Дун. Он посмотрел на гору грязной посуды, и его лицо окончательно потемнело.

— Ну и сволочи.

«Мелкий, ну и задал же ты мне задачку!»

***

Дни становились всё холоднее. В лавке затопили печку, окна заклеили полиэтиленом, а на дверь повесили тяжёлую ватную занавеску.

Су Моли подбросила в топку совок угля и вздохнула:

— По телевизору обещали снег. Смотри, как небо затянуло, точно повалит.

— Танхулу! Танхулу! Сладкие, хрустящие танхулу! — послышалось с улицы звонкое завывание торговца.

— Сяо Мо, хочешь? — спросила мать.

Су Мо вдруг вспомнил, что Хань Дун на днях заикался о танхулу, и быстро закивал:

«Одну... нет, пять штук».

— Куда столько?

«Брат хочет».

— Ладно, — Су Моли отложила совок и вышла на улицу. — Почём танхулу?

— По пять мао за штуку. Боярышник — загляденье! — отозвался торговец.

— Давай пять... нет, давай шесть, — женщина протянула три юаня и забрала пакет со сладостями. — Сяо Мо, я взяла шесть, одну папе оставь.

Отложив две палочки, Су Мо тщательно упаковал остальные.

«Мам, я пойду отнесу брату и Сяоюю».

— Иди, конечно.

Су Мо натянул тёплую куртку и, прижимая к груди заветный пакет, пошагал к школе. Делать приятное тому, кто тебе дорог, — от этого чувства внутри разливалось тепло.

Он шёл, едва сдерживая радостное возбуждение. В школе как раз начался обеденный перерыв. В этом захолустье охрана на воротах была чистой формальностью: Су Мо лишь вежливо кивнул старику-вахтёру, и тот беспрепятственно его пропустил.

Он редко заглядывал к брату — вид счастливых студентов всегда вызывал у него укол тихой грусти. Су Мо обошёл все этажи, но Су Цзиня в классе не нашёл. Зато на баскетбольной площадке сразу заметил Хань Дуна. Тот носился с мячом, а вдоль кромки поля плотными рядами стояли девчонки — раскрасневшиеся, восторженные, они не сводили с него глаз и заходились в криках поддержки.

Ревность не выбирает пол. Су Мо почувствовал, как внутри шевельнулось что-то горькое. Он знал, что Хань Дун чертовски харизматичен, но и представить не мог, что тот пользуется таким успехом. Теперь понятно, почему его подружки менялись одна за другой.

— Эй, парень! Пни мяч сюда! — крикнул кто-то с соседнего футбольного поля.

Су Мо посмотрел под ноги, увидел укатившийся мяч и небрежно отправил его обратно.

— Спасибо! — парень, заметив, что Су Мо даже не взглянул на него, крикнул вдогонку: — Слышь, ты из какого класса? Десятиклассник?

Су Мо лишь едва заметно улыбнулся и посмотрел в сторону Хань Дуна. Это была его привычка — вежливая, отстранённая улыбка, державшая незнакомцев на расстоянии.

— Бля, даже не ответил. Гордый какой, — парень сплюнул и вернулся к игре.

Матч закончился. Хань Дун, весь взмокший, откинул со лба влажные волосы. К нему тут же подбежала стайка девчонок с бутылками воды. Он одарил их своей фирменной, чуть порочной улыбкой, выбрал одну бутылку, сделал жадный глоток, заставив остальных разочарованно вздохнуть.

Осушив половину, Хань Дун скользнул взглядом по толпе и замер. Среди пёстрой массы он увидел парня — чистого, словно умытого утренним светом. Это был Су Мо. Зимнее солнце золотило его черты, придавая лицу какую-то неземную, хрупкую красоту.

В своей белоснежной куртке Су Мо казался здесь чужим — слишком спокойным, слишком отстранённым.

Хань Дун, расталкивая окруживших его фанаток, бросился к нему. Толпа невольно проследила за его бегом.

В душе у Су Мо всё ещё кошки скребли, но вид летящего к нему Хань Дуна, такого живого и по-юношески дерзкого, заставил сердце оттаять.

— Ты как тут оказался? — Тот затормозил перед ним, накрывая своей высокой фигурой.

Су Мо достал танхулу и записку:

«Брату, Лян Циню, Сяоюю».

— А где моё имя? Мне, значит, не полагается? — Хань Дун, не дожидаясь ответа, вытянул одну палочку и с хрустом вонзил зубы в засахаренную ягоду. — М-м, вкуснотища.

Су Мо покосился на девчонок. Те во все глаза смотрели в их сторону, и в душе у него шевельнулась гордость. В этом было его преимущество: как ни крути, а он Хань Дуну свой, верный товарищ.

— Брата не нашёл? — Хань Дун поднёс танхулу к губам Су Мо. Тот, чувствуя на себе десятки взглядов, смутился и попытался отстраниться.

— Ты чего? Одну ягоду съесть не можешь? — Он сам откусил половинку и снова подтолкнул сладость к его рту. Чтобы не ломаться, Су Мо послушно открыл рот.

— Пойдём, помогу найти твоего брата.

Хань Дун по-хозяйски обхватил его за плечи, и они пошли вглубь школьного двора, на ходу разделяваясь с одной палочкой танхулу.

Су Мо кожей чувствовал жгучие взгляды, провожавшие их. Да, он здесь был настоящим королём девичьих сердец.

Проходя мимо столовой, какой-то парень окликнул их:

— О, Брат Дун! Это кто с тобой?

Хань Дун усмехнулся:

— Моё сокровище-братишка.

— Нифига себе, ну ты и неженка.

— А что поделать? — Хань Дун подмигнул. — Уж больно драгоценный.

Они дошли до длинной галереи за учебным корпусом, за которой начинался тихий косогор.

— Цзинь-цзы, к тебе гости!

Су Цзинь и Лян Цинь, обложившись учебниками, подняли головы. Брат явно не ожидал его увидеть:

— Ого! Ты же терпеть не можешь школу. С чего вдруг такой порыв?

Су Мо сердито зыркнул на него и протянул пакет. Су Цзинь округлил глаза:

— Ты припёрся сюда только ради танхулу? Тебе совсем заняться нечем?

— Да ешь ты уже, вечно ворчишь, — Лян Цинь со смехом выхватил сладость. — Спасибо, Сяо Мо!

— Тут ещё Сяоюю причитается, — добавил Хань Дун за Су Мо.

— А твоя где? — спросил Лян Цинь.

— Свою я уже умял, — Хань Дун потянул Су Мо за собой на пожухлую траву склона. —

Обеденный перерыв длинный, посидим?

Су Мо кивнул.

— Вы сидите, а мне пора слова зубрить. Днём контрольная, — Су Цзинь подхватил танхулу и скрылся в галерее.

— И мне надо... Сдохнуть можно с этой учёбой, — Лян Цинь со вздохом покачал головой.

— Давай поднимемся выше, — Хань Дун кивнул на вершину холма. Оттуда вся школа была как на ладони. — Ты обедал?

Су Мо кивнул.

Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь их дыханием. Су Мо искоса глянул на Хань Дуна, взял веточку и принялся что-то выводить на земле.

Он смотрел, как тот старательно выписывает иероглиф за иероглифом, и в груди у него защемило от нежности.

— Сяо Мо...

Услышав, что тот замолчал, Су Мо обернулся. Хань Дун посмотрел в его лучистые глаза и через силу улыбнулся:

— Ничего.

«Я хочу послушать, как ты поёшь».

— Что спеть? «Сколько любви можно вернуть»? — Хань Дун смотрел на него с такой безграничной теплотой, словно хотел отдать ему всё добро мира.

Су Мо закивал, и его улыбка была яркой, как солнце, но в ней сквозила какая-то неизбывная печаль.

Хань Дун откашлялся и запел. Су Мо обожал его голос. Глядя на спящих внизу студентов, он вдруг подумал, что жизнь сейчас кажется куда более заманчивой и светлой, чем когда-либо раньше.

Когда песня затихла, Су Мо показал большой палец. Он, сам не понимая почему, почувствовал, как сердце обливается кровью. Он достал сигарету.

Зависло долгое молчание. Су Мо наслаждался моментом, как вдруг Хань Дун негромко произнёс:

— Знаешь, Сяо Мо... Ты стал куда сильнее, чем был в детстве.

Су Мо резко вскинул голову. «А? В детстве?»

— Тот маленький мальчик на путях, который хотел свести счёты с жизнью... Это ведь был ты?

Хань Дун затянулся и медленно выпустил струю дыма. У Су Мо защипало в носу. Тот повернулся к нему и усмехнулся:

— Ты чего? Плакать собрался? Я с самого первого раза, как пришёл к тебе домой, понял, что это ты. На стене старая фотография висит — там ты точь-в-точь такой же, как тогда.

Он сделал ещё пару затяжек.

— Того немого мальчика я запомнил навсегда. И тот день помню до мельчайших подробностей. Почему — сам не знаю.

— Раньше не говорил, потому что смысла не видел. Смотрю на тебя сейчас — живёшь нормально, улыбаешься... Я просто рад за тебя.

Су Мо, едва сдерживая дрожь в руках, быстро застрочил на земле:

«Ты говорил, что родинка на бедре сулит тебе кровавое бедствие. Это правда?»

— Дед так говорил. Правда или нет — кто ж знает. Родители о деде никогда не рассказывали, но я помню, что его слова всегда сбывались... — Хань Дун вдруг вспомнил о даре Су Мо. — Он был чем-то на тебя похож. С твоей этой... сверхспособностью.

<http://bllate.org/book/17506/1662068>